

Я хотел написать тебе любовное письмо. Я сидел за стол и начинал от руки выводить слова. Каждый раз у меня получались строфы какой-то длинной поэмы.

Поэмы про песни, которые ты мне пела.
Поэмы про цветы, которые я тебе дарил.

Я пытался написать тебе о своих чувствах с самого нашего знакомства. Передать то, как грохотало у меня сердце при виде тебя. Описать первое прикосновение. И раз за разом я сбивался с прозы на стихи. Я путал хронологию наших судеб. В моей голове всё мешалось. Мысли о тебе превращались в облако над моей головой, которое моментально уносил лёгкий ветер прочь из комнаты. Я хватался за это облако. Отрывал его ватные куски, прижимал к себе и старался хоть как-то удержать. Плохо получалось. Я расплывался. Но всё равно не оставлял этих попыток написать тебе.

Я так редко тебя обнимал. Так мало раз целовал. Но ты всегда была рядом со мной. Даже когда я засыпал посреди холодных лесопосадок Луганщины, лёжа на мокром бронежилете и чувствуя, как ветер октября сдувает остатки тепла с того края земли, где я тогда находился. Ты была всегда рядом. Хотя тогда тебя рядом и не было.

Помнишь, как всё заканчивалось? Стоило мне только прийти в военкомат и изъявить желание принять участие в войне, которую называли «специальной военной операцией», определённого типу людей я стал безразличен. Работницы военкомата взяли на себя функции швейцаров и открыли для меня все двери, ведущие на фронт. Помогли собрать документы, даже согласились тратить казённую бумагу для принтера и отсканировали военный билет, паспорт и какие-то пластиковые карточки, которые до этого у меня спрашивали только в поликлинике.

И когда я уже пришёл, готовый отправиться из районного военкомата в областной, милые работницы хотели выделить для меня отдельный автобус. К большому сожалению, не получилось. Они погрустили, виновато посмотрели на меня и начали объяснять, где в Питере найти областной комиссариат. Объясняли очень подробно. Даже сказали, как в метро проходить турникет и под каким углом опускать жетон. На этом месте они прервали рассказ, начали искать у себя по карманам и сумочкам; мало ли, с последней поездки в Санкт-Петербург

у них что-то да осталось. Не повезло. В их сумках и карманах жетонов не было. Продолжили рассказ. Повторили его несколько раз. Вырвали из блокнота листок, написали ещё раз адрес, нарисовали точную карту всего маршрута.

В областном военкомате меня уже радостно встретили контрактники-работники. Они помогли мне написать все необходимые бумаги, на всякий случай повторили со мной русскую азбуку, правописание и чистописание, чтобы я точно ни в чём не ошибся при заполнении нужных для заключения военного контракта документов. Пообещали договориться с государством и усадить меня на самолёт до Белгорода.

* * *

Миновав предварительные ласки с армией, я вышел из здания на Фонтанке. Бродил по каким-то дворикам, где ещё удивительно для сентября зеленели клумбы вдоль подходов к парадным. Глядел на сентябрьское солнышко, жёлтые и серые стены трёхсотлетнего города, который так часто бывал ко мне жесток. Я думал, где мне переждать эту ночь до самолёта? Кто меня этой ночью передержит у себя и передаст под опеку Вооружённых сил? Для приличия обзвонил нескольких друзей, убедился, что кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Набрал твой номер на кнопочном телефоне, который, можно сказать, был уставным: на его

крышке ещё оставалась карточка с моим именем, фамилией и воинским званием. Я с этим телефоном в обнимку переживал ужасы службы срочной. Решил и на войну его взять.

Дозвон. Несколько гудков. Твоё тихое «привет». Ты шептала в трубку. Сказала, чтобы я приезжал. Я знал, что твой будущий муж сейчас в командировке и ты одна.

Как у нас с тобой всё глупо получалось! Когда-то мы были студентами девятнадцати лет, которые топтали асфальт Невского проспекта, вливали в себя холодное пиво, терпкое вино, держались за руки, а все прохожие, даже в полицейской форме, глядя на нас, молодых и красивых, идущих навстречу солнцу, улыбались. Прошло не так уж и много времени. Тебе пока ещё двадцать два года. Ты офисная работница, невеста, которой сделали предложение. А я хоть все ещё мальчишка — мне только двадцать три, но сейчас уйду на войну.

Я добрался до твоего многоэтажного дома на окраине. Поднялся, не успев подойти к квартире, как ты открыла мне дверь. Я вошёл в прихожую. Ты мне улыбнулась. Обняла меня. Я спросил: могу ли я лечь спать? Ты указала на диван возле своего рабочего места. Сегодня ты из дома заполняла свои таблицы, сочиняла письма представителям каких-то компаний. Я не спал уже несколько суток. Я бы провалялся на этом диване хоть тысячу лет. Но ты разбудила меня. Приказала идти на кухню и съесть то, что ты приготовила.

После ужина мы лежали в обнимку на этом же диване. Мы не целовались уже несколько лет. Хотелось бы. И тебе, и мне. Но ты без пяти минут чужая супруга. А я без одной минуты снова солдат. Нам нельзя. Твои библейские кудри окутывали мою шею. Твоё тёплое дыхание обдавало мои щёки. Твои пальцы бегали по моим волосам, по коже рук. Я гладил тебя в ответ, поднимаясь от ладоней твоих до плеч твоих. Всю ночь напролёт мы старались не думать, где я окажусь завтра. И о том, что ты не хочешь вступать в брак. Придётся. И мне взойти на борт самолёта до Белгорода, где рядышком повсю горела война.

Утро. Прощальные объятия. Я иду пешком до метро и добираюсь до областного военкомата. Там меня уже ждёт автобус. Он увезёт меня на военный аэродром возле Пушкина. Снова Царское Село! Снова на въезде в него по Петербургскому шоссе увижу слева Буферный парк, а справа мой оранжевый университет, который я забросил в начале четвёртого курса.

С Пушкинского аэродрома я и другие будущие солдаты улетали в комфортном военном транспортнике, в котором мне даже посчастливилось сесть на скамейку. Я глядел в иллюминатор, видел родные мне поля, леса, реки и города.

Уже в Белгороде, когда нас привезли в какую-то воинскую часть, нам, добровольцам, дали отличного качества «пиксельные» бушлаты от ведущего российского дизайнера Юдашкина с погонами на груди. Люди случайные, потенциальные провокаторы, говорили в очереди на вещевой склад, что эту форму сняли с вооружения десятков лет назад, поскольку за одну зиму в ней перемерзли все караулы и наряды.

Государство не ограничилось этими подарками. Оно ещё дало нам со складов советские вещмешки, ложки, носки и котелок. Поскольку дарить тару пустой считается дурным тоном, котелки сочлились солидолом. Родина продолжала на нас тратить. Она подогнала к воротам распределительного пункта в Белгороде военный грузовик, доверху заправленный соляркой, отремонтированный, с надутыми шинами. Правда, под тентом не было скамеек. Но и тут о нас заранее позаботились: вещмешки можно было использовать вместо сиденья, набив туда немного формы от ведущего дизайнера, и кузов грузовика превращался в пушистое и мягкое облако, на котором мы буквально не ехали, а парили по русскому черноземью.

Отвезли нас в лес, укрыли крышей палатки, расстелили под нами полаты, разожгли печки-буржуйки, заботясь о том, чтобы нам не было холодно.

Утром человек с майорскими звёздами проводил нас до другой палатки, сказал, что мы теперь гвардейцы из мотострелкового полка танковой армии. Правда, не сказал, какого. Мы зашли в палатку, поставили свои крестики, закорючки и округлые росписи. Цифрами и буквами написали срок нашего контракта о прохождении военной службы: три месяца. После нас отвезли в другой лес. Там нам дали бронежилеты и каски. Правда, не всем. Кому хватило. Также выдали боевое оружие. Ржавое, царапанное, местами без ремней. Судьба всегда была ко мне благосклонна. И когда мои уже фактически родственники — собратья по ржавому оружию — получили брезентовые под сумки ещё советского образца, мне досталась относительно новая разгрузка. Её ремешки были цвета камуфляжа «флора». Значит, ей было не более тридцати лет. Почти ровесница. На десяток лет всего-то старше. Один из подсулков этой разгрузки был обожжён, в другом была дырка, размера которой хватило бы для того, чтобы магазин из неё выпал.

Не только разгрузка у меня была особенной. Ещё бронежилет. Он был модернизированный. Сквозь «пиксельную» ткань, которой его обшивали, была видна «флора». В бронежилете было

целых две кевларовые пластинки. Одна позади, другая впереди. Плита была только одна. Спереди. Оно и немудрено! Я же не отступить собрался. Зачем мне поворачиваться спиной к разрывам и пулям?

После оснастки современной амуницией, формой и оружием новых образцов нас сразу же решили обучить. Сели в грузовик, и нас отвезли на стрельбище для прибывающих на войну контрактников и добровольцев.

На полигоне меня решил удивить автомат. Первой нашей учебной точкой была пристрелка оружия. Опытные инструкторы подкрутили бы барашек на мушке моего оружия так, чтобы я бил точно в цель. Но вот досада: мой автомат помешал им сделать эту работу. Он не стрелял. Инструктор несколько раз разобрал автомат, пытаясь понять, что же с ним не так. Лишь на третий раз до него дошло, что в бойке нет иглы, которая ударяет по капсюлю патрона. Инструктор вежливо спросил у меня: «Какая тварь выдала тебе этот автомат?» Я ответил с гордостью: офицеры такого-то танкового полка, любезно предоставившие нам палатку и место в жизни на крайние сутки.

Даже отсутствие рабочего оружия не помешало мне пройти серьёзный курс боевой подготовки длиной в четыре часа. Я отстрелял два магазина в поля чернозёма под чутким руководством офицеров, которые кричали нам, что мы — будущий груз «двести».

Эти четыре часа полностью изменили нас. Раньше мы были простыми романтиками и мечтателями. Но пройдя суровую четырёхчасовую закалку, мы стали настоящими воинами, идеальным оружием, карающим мечом, который будет разить врагов страны.

Когда я вернулся с этого полигона, меня было не узнать. Офицеры посылали туда мальчика, а на выходе получили мужчину. Так решили они. И обрадовали нас радостной вестью, что уже через пару часов мы пересекаем границу и оказываемся на фронте. Эта новость была бы принята всеобщим ликованием, если бы нам всем раздали бронежилеты. Я, в принципе, был доволен тем, что мне поменяли автомат. По заверению какого-то прапорщика, уж он обязательно будет стрелять.

Я успел позвонить тебе. Я сказал, моя милая, что всё, еду туда. И неизвестно, когда позвоню вновь.

Офицеры раздали всем ленточки с молитвами и иконки ангела-хранителя. Это было даже лучше бронежилетов пятого класса защиты. Я убрал иконку в карман кителя. Она была красивой. На её обороте была напечатана молитва, которую мне скоро предстоит выучить.

И вот, мы едем на ноль. Ноль, как нам объяснили, это то, что раньше было границей двух ныне враждующих государств.

Колонна из одного грузовика и трёх боевых машин пехоты. Если глядеть на боевые

машины, то сквозь десятки слоёв зелёного, нанесённых солдатами срочной службы в период полковых улучшений материальной базы, сквозь вмятины и царапины можно было рассмотреть заводскую краску. Я забрался на борт БМП. Ногами уперся в крыло, прикрывающее траки.

Пограничники смотрели на нас и не понимали, куда мы едем. Решили спросить у старшего колонны. Старший назвал пограничникам пункт прибытия. Начальник пограничников удивился и приказал снимать своим подчинённым бронежилеты с себя и передавать нам, искренне не понимая, как можно так отправлять людей в бой. Бронежилетов всё равно не хватило.

Мне было холодно, о чём я сообщил своему земляку, сидевшему рядом со мной. Это услышал механик-водитель машинки рядом. Он произнёс прописную фронтовую истину:

— А тебе и не должно быть тепло... Тепло внутри... Мне тепло. Но только если в нас выстрелят из гранатомёта или если мы наедем на мину, я погибну сразу, а вас на броне просто раскидает в разные стороны. Ваша философия, философия пехоты, должна быть проста: лучше живым лежать в холодном окопе, чем среди тёплого поля быть мёртвым.

Начинается движение. Ревут двигатели, фары БМП режут жёлтыми полосками тёмную ночь. Я, сдвинув удобнее автомат, схватившись

за проволоку на бревне, закреплённом на заднем борту, стараюсь удержаться и не выпасть.

Грохочущая колонна неслась по дорогам в степи, проложенным сквозь тьму, поля, заросли кустов и лесопосадки. Ночь была страшной. Осознание, что мы едем на войну, страшило ещё больше. Но это была та секунда... Нет, даже тот миг сопричастности вечному, истории. Мы начали это путешествие в край огня и смерти. Неизвестно, что с нами будет. Ехать всю ночь. Не спать и пытаться не выпасть с брони. Усталость, недосып, страх — это всё было понятно. Но наряду с этим было чувство какой-то силы... Это самая страшная из всех бед — война, самое серьёзное наше испытание, которое не все переживут. Но всё же! Это и главное приключение в нашей жизни. Пусть оно будет мерзким и страшным. Пусть кровавым. Пусть я увижу на этом пути много подлости и несправедливости.

Тревожности в пути добавляли остовы наших подбитых танков, грузовиков, на которые была нанесена знаменитая нынче буква латинского алфавита. Я ещё до конца не осознавал уровень угроз, которые нас ждут. Смотрел в ночь и боялся засад, боялся попасть под огонь артиллерии. Но чем дальше мы двигались вперёд, тем больше тревога спадала. Оставалась одна усталость и небольшая боязнь выпасть с БМП — при малейшем повороте штурвала мехводом меня почти выбрасывало с брони.

И всё время до того, как в стороне России начало всходить солнце, а колонна продолжала движение, я думал о тебе. О той ночи, что мы провели вместе. Такой невинной. Чистой и красивой. Обнимая тебя, чувствуя биение твоего сердца, осматривая тёмную комнату, в которую сквозь окна пробирался свет фонарей и фар, я не ощущал, будто что-то плохое творится в моей жизни. Лишь собранный рюкзак с обмундированием и экипировкой, стоящий в прихожей, свидетельствовал о грядущем.

Мы вспоминали и считали все наши встречи. Думали, как бы хорошо было, когда бы в жизни всё сложилось иначе. Ты за ту ночь столько комплиментов мне наговорила, сколько я за всё время нашего знакомства не слышал. И да, я был согласен: не так сложилось в наших жизнях, если я покидаю тёплую кровать с тёплой тобой и отправляюсь туда, где так мало тепла.

В одной из деревень, в центре которой стояла школа с разбитым после прилёта фасадом, наша колонна завернула в зелёные насаждения. Мы спешили, а БМП спрятались под деревьями. Не успели мы разгрузить вещи, начать вскрывать сухие пайки и разогревать их содержимое, как нам сказали, что мы двинемся в другое место. Теперь, все пятьдесят восемь человек, грузимся на борт КамАЗа. Мы в полной экипировке затакивались в кузов, садились буквально друг на друга. Духота, крики,

недосып и стресс, а также отсутствие любого подобия комфорта и осознание, если случится что-то, все не смогут разом покинуть машину, делали поездку очень неприятной. Дорога, казавшаяся вечной, кончилась. Мы спешили уже в другой деревне.

Я почему-то ещё до того, как пришёл в военкомат, знал, что окажусь в Харьковской области. На фронте были тяжёлые времена. Нашими уже сданы Изюм, Балаклея и множество других населённых пунктов. Многие патриотично настроенные граждане вдруг осознали, что не всё так радужно у нас в войсках, есть явные проблемы. Контрнаступление вооружённых сил Украины стремительно продолжалось. И, видимо, мы, только вчера заключившие контракты, должны были заткнуть какую-то брешь в обороне и хоть на время задержать продвижение противника.

Люди без опознавательных знаков, без погон, встали посреди дороги, загнав нас с имуществом под кроны деревьев. Это были, видимо, какие-то командиры. Представляться они не стали. Лишь кричали на нас за то, что мы слишком медленно выгружались, просили соблюдать тишину.

Где-то на краю горизонта была слышна канонада. Я ещё не понимал значения этих звуков. Громыхало, рычало, свистело. Бывалые, выучившие музыку войны, говорили — танки и миномёты стреляют.

Люди без погон, стоявшие на дороге, смотрели на наш сброд. Пятьдесят восемь человек всех возрастов и телосложений. Были и молодые, вроде меня, были и мужики за пятьдесят. Неназванные командиры пытались распределить нас повзводно, разбить на отделения, в первую очередь обращая внимание на тех, кто был одет не в юдашкинский «пиксель», а в завихренные пятна «мультикама».